

УДК 811.161.1

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Ч. АЙТМАТОВА

Е.И. Жоламанова

Проводится краткий экскурс в историю развития лингвистики эмоций. Делается акцент на многообразии точек зрения и подходов в этом новом когнитивном направлении. Целью данной статьи является реконструкция эмоциональных концептов с помощью лингвокогнитивного анализа. Он проводится на примере эмоционального концепта "страх" в рамках художественного дискурса Ч. Айтматова. Моделирование концепта основано на следующих аспектах: 1) языковая вербализация; 2) когнитивный анализ; 3) невербальные средства объективации концепта. Сочетание системного подхода с когнитивным и психологическим позволяет наметить новые контуры эмоциональных концептов.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма; когнитивная лингвистика; лингвистика эмоций; художественный дискурс; лингвокультурный код; когнитивные признаки; когнитивная тема.

Ч. АЙТМАТОВДУН КӨРКӨМ ПРОЗАСЫНДАГЫ ЭМОЦИОНАЛДЫК ТҮШҮНҮКТӨРГӨ ЛИНГВОКОГНИТИВДИК ТАЛДОО ЖҮРГҮЗҮҮ

Е.И. Жоламанова

Макалада эмоциялар лингвистикасынын өнүгүү тарыхы тууралуу кыскача баяндама орун алган. Бул жаңы когнитивдик багыттагы көз-караштардын жана ыкмалардын көп түрдүүлүгүнө басым жасалат. Бул макаланын максаты лингвокогнитивдик талдоо жүргүзүү аркылуу эмоционалдык түшүнүктөрдү кайра түзүү болуп саналат. Ал Ч. Айтматовдун көркөм дискурсуна алкагында "коркуу" сыяктуу эмоционалдык түшүнүктүн мисалында жасалды. Түшүнүктүн үлгүсүн түзүү төмөнкү өңүттөргө негизделген: 1) тилдик вербализация; 2) лингвокогнитивдик талдоо; 3) түшүнүктү объективациялоонун вербалдык эмес каражаттары. Когнитивдик жана психологиялык системалуу ыкманы айкалыштыруу эмоционалдык түшүнүктөрдүн жаңы чектерин белгилөөгө мүмкүнчүлүк берет.

Түйүндүү сөздөр: антропоцентристтик парадигма; когнитивдик лингвистика; эмоциялар лингвистикасы; көркөм дискурс; лингвомаданий код; когнитивдик белгилер; когнитивная тема.

LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF EMOTIONAL CONCEPTS IN THE ART PROZE OF CH. AITMATOV

E.I. Zholamanova

The article provides a brief excursion through the history of the emotions linguistics development. The emphasis is on a variety of points of view and approaches in this new cognitive direction. The purpose of this article is the reconstruction of emotional concepts using linguo-cognitive analysis. It is performed on the example of the emotional concept of "fear" within the framework of the Ch. Aitmatov artistic discourse. Concept modeling is based on the following aspects: 1) linguistic verbalization; 2) linguo-cognitive analysis; 3) non-verbal means of the concept objectification. The combination of a systematic approach with cognitive and psychological allows us to outline new contours of emotional concepts.

Keywords: anthropocentric paradigm; cognitive linguistics; emotions linguistics; artistic discourse; linguocultural code; cognitive attributes; cognitheme.

В конце двадцатого столетия когнитивная лингвистика получила официальное признание и постепенно заняла лидирующие позиции

в современной антропоцентрической парадигме. Ученые проводят исследования по таким разделам, как лингвистическая концептология, связь

языка и мышления, языка и культуры, дискурсивная когнитология, категоризация мира в языке и др.

Именно в недрах когнитивной лингвистики намечаются контуры нового направления, связанного с описанием эмоций в языке. Лингвистика эмоций, или эмотиология, занимается такими проблемами, как лингвокультурология эмоций, концептология эмоций, когнитивно-дискурсивная эмотиология, эмотиология в лингвополитологии, вербализация эмоций, невербальная манифестация эмоций, эмоциональная лакунарность в межкультурной коммуникации [1, с. 14].

Центральным термином эмотиологии является “эмоциональный концепт”. Е.Е. Стефанский разграничивает два подхода к этому понятию: лингвокогнитивный, в русле которого ведут разработки Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин и лингвокультурный, представленный такими учеными, как В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, А.Д. Шмелев и др. [2, с. 8].

В зарубежной и отечественной науке появляются публикации, касающиеся вербального и невербального выражения эмоций. В лингвистической литературе две эти знаковые системы называются *Body language* и *Verbal language*. Физиологические реакции организма являются непосредственными, рефлексорными; вербальные же реакции человека на эмоцию могут быть более сглаженными или, наоборот, преувеличенными, будучи выраженными словами в определенной ситуации [2, с. 5].

Моделирование эмоциональных концептов как в языковой системе, так и в художественном дискурсе – сложный процесс: конститuentы концептов могут одновременно принадлежать к разным сферам, какие-то концепты или субконцепты могут быть не названы в тексте, и читатель должен определить их по развернутому описанию действий, чувств, мыслей и физиологических реакций литературного героя. “На наш взгляд, известная абстрактность эмоций является основной причиной их сложной вербально-концептуальной организации...” [3, с. 89].

Для моделирования концепта “страх” в его индивидуально-авторском понимании мы применили, с одной стороны, традиционный си-

стемно-структурный подход, с другой стороны, когнитивный.

Разработка лексико-семантического и деривационного поля концепта, объективированного в художественном дискурсе, дает возможность установить широту тезауруса языка писателя. Констатация полевого аспекта данного концепта происходит в контексте парадигматических, эпидигматических и синтагматических отношений языковых единиц.

Выявление в архитектуре концепта когнитивных признаков и когнитивных позволяет обнаружить скрытые авторские смыслы в передаче эмоций литературных персонажей. При построении конфигурации концепта “страх” мы опирались на исследовательские приемы, предложенные профессором З.К. Дербишевой [4, с. 122–138].

Целью нашего исследования является выявление языковых и неязыковых средств выражения эмоций концепта “страх”, а также его когнитивных признаков в контексте художественного дискурса Ч. Айтматова. Для проведения лингвокогнитивного анализа были исследованы художественные произведения Ч. Айтматова “Материнское поле”, “И дольше века длится день”, “Плаха”, “Вечная невеста (Когда падают горы)” и др. Мы проводили изучение концепта “страх”, учитывая следующие его характеристики: языковая вербализация, когнитивный анализ концепта и невербальные средства объективации концепта. Учитывая, что исследованию подвергается стиль художественной литературы, а не системная лексика современного русского языка, в статье мы попытались выявить индивидуально-авторскую метафорику писателя-билингва.

Для характеристики языковой объективации концепта “страх” необходимо выявить лексико-фразеологическую вербализацию, синтагматический пласт и уровень образных средств.

Ядро концепта “страх” составляют слова *страх*, *страшиться*, *страшный*, *страшно*. Центральную часть сферы “страх” формируют контекстуальные синонимы вышеуказанных конститuentов. Синонимический ряд со значением “страх” строится на материале частей речи – существительного, глагола, прилагательного и наречия: *страх* – беспокойство, боязнь, волнение, жуть, испуг, мольба, напряжение, настороженность, обреченность, опасение и др.;

страшиться – беспокоиться, бояться, встревожить, забеспокоиться, испугаться, лебезить, насторожиться, обеспокоиться, озирается, опасаться и др.; *страшный* – встревоженный, напряженный, настораживающий, тревожащий, тревожный, настороженно-почтительный, настораживающий, устрашающий; *страшно* – беспокойно, вкрадчиво, жутко, жутковато, испугавшись, испуганно, напряженно, неуверенно, опасливо, панически и др. К центру поля “страх” стягиваются и словообразовательные дериваты: страшить, устрашать, уstraшенный, страшиться, страх, страшно, страшнющий, страшноватый, настороженный. На периферии концептуального поля расположены фразеологизмы и фразеологизированные сочетания: навести страх, немать от страха, обезумев от страха, повергло ее в ужас, не без опаски, глаза полезли на лоб, убежать на край света (от страха), втянул голову в плечи, сбегут куда глаза глядят, бегут как ошпаренные, потеряла покой, содрогать душу, озноб прошиб, сердцем чует неладное.

Все конститuentы лексико-фразеологического поля концепта близки по значению к семантике страха. Словарь Д.Н. Ушакова предлагает следующее определение страха: “Страх – состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас” [5]. Таким образом, лексико-фразеологическое семантическое поле концепта “страх” строится на взаимодействии значений ядерных, центральных и периферийных смыслов, объединенных общим денотатом.

Синтагматические отношения реализуются в сочетании существительного страх с немногочисленными эпитетами: страх великий, неотступный, собственный. Другие эпитеты связаны с указанием на эмоциональное восприятие психического состояния страха: с каким страхом, никаких страхов. В эту же группу можно отнести конструкции с субстантивированными прилагательными: что-то страшное, самое страшное.

Теперь наметим контуры когнитивного анализа концепта “страх”, который представляет собой его разработку в контексте этимологии слова, семантики, когнициии и образности.

Этимология слова раскрывает его биографию, значение и внутреннюю форму. Такой крупный авторитет, как В.В. Колесов, утверждал: “Страх – состояние интеллектуального

и эмоционального оцепенения как видимый признак постигшей человека и осознанной им беды, напавшей извне, в ответ на угрозу его душе” [6, с. 340]. Слово *страх* восходит к общеславянскому “оцепенение”, которое связано с индоевропейским корнем “течь, истекать” (сравни: струя). В современном русском языке слово *страх* повествует о том, что вызывает тревогу, боязнь, оцепенение. Страх вынуждает человека либо бежать, либо спрятаться и замереть, оцепенеть [6].

Когнитивный уровень концепта “страх” предполагает рассмотрение когнитивных признаков и когнитивных признаков мы разделили словосочетания на *атрибутивные* и *глагольные*. Когнитивно-семантические признаки, присущие атрибутивным сочетаниям, это: 1) признак величины: страх великий; 2) временной признак: страх неотступный; 3) признак с точки зрения субъекта – носителя признака: страх собственный; 4) признак эмоционального восприятия: с каким страхом.

Когнитивно-семантические признаки, присущие глагольным сочетаниям – это: 1) *страх – причина действия*: страшился за нее и за ребят; обезумев от страха, немеющие от страха глаза, не потерять себя из-за страха, бизнесмен возопил в страхе, зажмурился от страха, пальнул из автомата для страху, деревья... застыли от страха, душа у него от страха ушла в пятки, Гульсары... оцепенел от страха, одергивая для острастки иноходца. Страх пугает все живое, он обращает в бегство животных и птиц, неживая природа реагирует как человек: Трубачи готовились играть в боевые трубы-карнаи... чтобы птицы тучей взлетели к небу и закружились с гамом и стоном, чтобы зверь бежал по чащам с диким храпом, чтобы трава прижалась к земле, чтобы эхо зарокотало в горах, чтобы горы вздрогнули; 2) *степень проявления эмоции страха*: до того страшно стало, настолько страшно, страшно поклялся, не так страшно, особенно страшно, совсем страшно; так страшно... становилось, что и еда не шла в горло; 3) *причина возникновения эмоции страха*: страшно становилось от его молчания, становилось страшно от своих слов, все были в страхе от этой бумаги; 4) *переживание эмоции*: с каким страхом смотрела, думаю со страхом, припадая в страхе к земле, пережила страшную пору, испытывая

неотступный страх, плыть не страшась, замершая в страхе; 5) *страх – ограничитель действия*: слово выдавить страшно, расставаться было страшно, не выдержал Жаабарс тоски и страха, встретиться с людьми и то страшно.

Вслед за когнитивными признаками остановимся на когнитивных, передающих смысл концепта “страх” [7]. Перечислим когнитивы автора, имеющие лингвоспецифичный характер. Первую когнитиву можно обозначить словами “Страх потерять родовые корни”. Она связывается с легендами о Рогатой матери-оленихе и о манкурте. В этих легендах подчеркивается важная роль родовых отношений, родового сознания: ...мы, рожденные с тобой от одного корня; остаться без роду, без племени; чтить Рогатую мать-олениху бугинцы как святыню (“Белый пароход”); И снова в который раз пыталась Найман-ана пробиться в глухую дверь сокрушенной памяти и все твердила: – Вспомни, ты чей? Как твое имя? Твой отец Доненбай! (“И дольше века длится день”). Вторую когнитиву можно назвать “Страх перед памятью предков, страх утраты заветов”. Старик Момун стремился проявить внимание к своим родственникам, он дорожил памятью предков-бугинцев: ...старик Момун лежал здесь в расплату за сказку свою о Рогатой матери-оленихе, что не по своей воле посягнул он на то, что сам внушал ему всю жизнь, память предков, на совесть и заветы свои...; То есть Момун сам разрушил память предков, совесть и заветы свои (“Белый пароход”); Куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха... (“И дольше века длится день”).

В художественном дискурсе писателя вырисовывается индивидуальный стиль языка писателя, отличающийся характерными языковыми образами. Особые “стертые метафоры” лежат в основе восприятия реального мира в творчестве талантливых прозаиков [8; с. 17]. Мы выделили два лингвокультурных кода в художественных текстах Ч. Айтматова. Во-первых, концепт “страх” описывается как жидкостная среда; страх может поразить органы тела: ... когда обруч невидимый на голову насадил так, что глаза твои из глазниц выпирали, налитые сукровицей страха... (“И дольше века длится день”).

Во-вторых, во всех остальных случаях в художественном дискурсе Ч. Айтматова концепт “страх” описывается только в воинственной лексике затаиться, охватить, угнетать, перебарывать, превозмогать: преодолевать страх, превозмогая страх, перебарывая страх, страх угнетал ее (“И дольше века длится день”); охваченная страхом, затаился в душе страх (“Материнское поле”), не выдержал страха (“Когда падают горы”). Таким образом, намечается портрет эмоции страха, который в восприятии автора создается в образе врага. Страх может затаиться в человеке, затем охватить его целиком, может угнетать человека; с этим страхом необходимо бороться, человек должен преодолевать его.

Важное место в исследуемых художественных текстах занимают невербальные средства объективации концепта “страх”. В художественном дискурсе Ч. Айтматова встретились следующие невербальные средства выражения эмоции страха: 1) зажмуривается от страха (мимика), 2) мальчик отпрянул от страха (пантомимика), 3) ...те деревья, что весной не зеленеют, – это те, которые застыли от страха (понижение температуры тела); 4) так страшно становилось, что еда не шла в горло; мальчик сжимался от страха; Гульсары ... оцепенел от страха (спазм сосудов); 5) При этих словах манкурт побледнел, серым-серым стало его черное лицо. Он втянул голову в плечи и, схватившись за шапку, стал озираться, как зверь (спазм сосудов, пантомимика).

Анализируя эмоциональные концепты в изучаемых текстах, мы встретились со следующим фактом. Описывая эмоцию страха, писатель прибегает не только к вышеупомянутым традиционным физиологическим реакциям организма. Передавая эмоции страха, ужаса, автор описывает явления неадекватного восприятия действительности в момент жутких событий жизни героя: Вскинув винтовку на плечо, Бостон будто во сне побежал к упавшей Акбаре. Ему казалось, что он бежит так медленно и долго, словно плывет в каком-то пустом пространстве (“Плаха”). Подобный пример неадекватного восприятия действительности на фоне страха встретился и в другом произведении: Она подходила, казалось, очень долго, опять же как во сне, настолько страшно, отстраненно было ее медленное приближение с опустевшими глазами (“И дольше века длится день”). Прием описания

психологического потрясения с помощью измененного сознания героя, мы считаем, также можно отнести к индивидуально-авторским особенностям в описании эмоций.

Таким образом, можно сформулировать выводы по проведенному исследованию. Во-первых, этимологически слово страх восходит к общеславянскому “оцепенение” и коррелирует с метафорическим образом холода. Во-вторых, эмоциональное состояние страха предстает перед читателем в виде военной лексики, рисующей образ врага. Это указывает на индивидуально-авторскую метафорику писателя. В-третьих, такие когнитивные темы, как “страх потерять родовые корни”, “страх перед памятью предков”, “страх утраты заветов” указывают на национально-специфические причины страха, определяющие родовое сознание кыргызского этноса и самого автора. В-четвертых, широкое применение автором невербальных средств выражения эмоции страха позволяет считать Ч. Айтматова мастером психологической прозы.

Литература

1. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
2. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Стефанский. Волгоград, 2009. 40 с.
3. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н.А. Красавский. М.: Перемена, 2001. 495 с.
4. Дербишева З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры: монография / З.К. Дербишева. Бишкек, 2012. С. 122–138.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д.Н. Ушаков. М., 1985.
6. Колесов В.В. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 2 / В.В. Колесов и др. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
7. Иванова Е.В. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики / Е.В. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9. Вып. 3.
8. Маслова В.А. Коды культуры в пространстве языка / В.А. Маслова, М.В. Пименова. СПб., 2015. 148 с.